

О.Генри

Как скрывался Черный Билл

Перевод с английского
Т.Озерской

ФТМ

О. Генри

Как скрывался Черный Билл

«ФТМ»

1908

О. Генри

Как скрывался Черный Билл / О. Генри — «ФТМ», 1908

ISBN 978-5-457-43318-2

Один из самых известных юмористов в мировой литературе, О. Генри создал уникальную панораму американской жизни на рубеже XIX–XX веков, в гротескных ситуациях передал контрасты и парадоксы своей эпохи, открывшей простор для людей с деловой хваткой, которых игра случая то возносит на вершину успеха, то низвергает на самое дно жизни. «Худой, жилистый, краснолицый человек с крючковатым носом и маленькими горящими глазками, блеск которых несколько смягчали белесые ресницы, сидел на краю железнодорожной платформы на станции Лос-Пиньос, болтая ногами. Рядом с ним сидел другой человек – толстый, обтрепанный, унылый, – должно быть, его приятель. У обоих был такой вид, словно грубые швы изнанки жизни давно уже натерли им мозоли по всему телу...»

ISBN 978-5-457-43318-2

© О. Генри, 1908

© ФТМ, 1908

О. Генри

Как скрывался Черный Билл

Худой, жилистый, краснолицый человек с крючковатым носом и маленькими горящими глазками, блеск которых несколько смягчали белесые ресницы, сидел на краю железнодорожной платформы на станции Лос-Пиньос, болтая ногами. Рядом с ним сидел другой человек – толстый, обтрепанный, унылый, – должно быть, его приятель. У обоих был такой вид, словно грубые швы изнанки жизни давно уже натерли им мозоли по всему телу.

– Года четыре не видались, верно, Огарок? – сказал обтрепанный. – Где тебя носило?

– В Техасе, – сказал краснолицый. – На Аляске слишком холодно – это не для меня. А в Техасе тепло, как выяснилось. Один раз было даже довольно жарко. Сейчас расскажу.

Как-то утром я соскочил с экспресса, когда он остановился у водокачки, и разрешил ему следовать дальше без меня. Оказалось, что я попал в страну ранчо. Домов там еще больше, чем в Нью-Йорке, только их строят не в двух дюймах, а в двадцати милях друг от друга, так что нельзя учуять носом, что у соседей на обед.

Дороги я не нашел и потащился напрямик, куда глаза глядят. Трава там по колено, а мескитовые рощи издали совсем как персиковые сады, – так и кажется, что забрел в чужую усадьбу и сейчас налетят на тебя бульдоги и начнут хватать за пятки. Однако я отмахал миль двадцать, прежде чем набрел на усадьбу. Небольшой такой домик – величиной с платформу надземной железной дороги.

Невысокий человек в белой рубаше и коричневом комбинезоне с розовым платком вокруг шеи сворачивал самокрутки под деревом у входа в дом.

– Привет, – говорю я ему, – может ли в некотором роде чужестранец прохладиться, подкрепиться, найти приют или даже какую-нибудь работенку в вашем доме?

– Заходите, – говорит он самым любезным тоном. – Присядьте, пожалуйста, на этот табурет. Я и не слышал, как вы подъехали.

– Я еще не подъехал, – говорю я. – Я пока подошел. Неприятно затруднять вас, но если бы вы раздобыли ведра два воды...

– Да, вы изрядно запылились, – говорит он, – только наши купальные приспособления...

– Я хочу напиться, – говорю я. – Пыль, которая у меня снаружи, не имеет особого значения.

Он налил мне ковш воды из большого красного кувшина и спрашивает:

– Так вам нужна работа?

– Временно, – говорю я. – Здесь, кажется, довольно тихое местечко?

– Вы не ошиблись, – говорит он. – Порой неделями ни одной живой души не увидишь. Так я слышал. Сам я всего месяц, как обосновался здесь. Купил это ранчо у одного старожилы, который решил перебраться дальше на Запад.

– Мне это подходит, – говорю я. – Человеку иной раз полезно пожить в таком тихом углу. Но мне нужна работа. Я умею сбивать коктейли, шельмовать с рудой, читать лекции, выпускать акции, немного играю на пианино и боксирую в среднем весе.

– Так... – говорит этот недоросток. – А не можете ли вы пасти овец?

– Не могу ли я спасти овец? – удивился я.

– Да нет, не спасти, а пасти, – говорит он. – Ну, стеречь стадо.

– А, – говорю я, – понимаю! Сгонять их в кучу, как овчарка, и лаять, чтоб не разбежались! Что ж, могу. Мне, по правде сказать, еще не приходилось пастушествовать, но я не раз наблюдал из окна вагона, как овечки жуют на лугу ромашки, и вид у них был не особенно кровожадный.

– Мне нужен пастух, – говорит этот овцевод. – А на мексиканцев я не очень-то полагаюсь. У меня два стада. Можете хоть завтра с утра выгнать на пастбище моих баранов – их всего восемьсот штук. Жалованье – двенадцать долларов в месяц, харчи мои. Жить будете там же на выгоне, в палатке. Стряпать вам придется самому, а дрова и воду будут доставлять. Работа не тяжелая.

– По рукам, – говорю я. – Берусь за эту работу, если даже придется украсить голову венком, облачиться в балахон, взять в руки жезл и наигрывать на дудочке, как делают это пастухи на картинках.

И вот на следующее утро хозяин ранчо помогает мне выгнать из корраля стадо баранов и доставить их на пастбище в прерии, мили за две от усадьбы, где они принимаются мирно пощипывать травку на склоне холма. Хозяин дает мне пропасть всяких наставлений: следить, чтобы отдельные скопления баранов не отбивались от главного стада, и в полдень гнать их всех на водопой.

– Вечером я привезу вашу палатку, все оборудование и провиант, – говорит он мне.

– Роскошно, – говорю я. – И не забудьте захватить провиант. Да заодно и оборудование. А главное, не упустите из виду палатку. Ваша фамилия, если не ошибаюсь, Золликоффер?

– Меня зовут, – говорит он, – Генри Огден.

– Чудесно, мистер Огден, – говорю я. – А меня – мистер Персиваль Сент-Клер.

Пять дней я пас овец на ранчо Чикито, а потом почувствовал, что сам начинаю обращаться шерстью, как овца. Это обращение к природе явно обращалось против меня. Я был одинок, как коза Робинзона Крузо. Ей-богу, я встречал на своем веку более интересных собеседников, чем вверенные моему попечению бараны. Соберешь их вечером, запрешь в загон, а потом напечешь кукурузных лепешек, нажаришь баранины, сваришь кофе и лежишь в своей палатке величиной с салфетку да слушаешь, как воют койоты и кричат козодои.

На пятый день к вечеру, загнав моих драгоценных, но малообщительных баранов, я отправился в усадьбу, отворил дверь в дом и шагнул за порог.

– Мистер Огден, – говорю я. – Нам с вами необходимо начать общаться. Овцы, конечно, хорошая штука – они оживляют пейзаж, и опять же с них можно настричь шерсти на некоторое количество восьмидолларовых мужских костюмов, но что касается застольной беседы или чтобы скоротать вечерок у камелька, так с ними помрешь с тоски, как на великосветском файвоклоке. Если у вас есть колода карт, или литературное лото, или триктрак, тащите их сюда, и мы с вами займемся умственной деятельностью. Я сейчас готов взяться за любую мозговую работу – вплоть до вышибания кому-нибудь мозгов.

Этот Генри Огден был овцевод особого сорта. Он носил кольца и большие золотые часы и тщательно завязывал галстук. И физиономия у него всегда была спокойная, а очки на носу так и блестили. Я видел в Мэскоги, как повесили бандита за убийство шестерых людей. Так мой хозяин был похож на него как две капли воды. Однако я знал еще одного священника в Арканзасе, которого можно было бы принять за его родного брата. Но мне-то, в общем, было наплевать. Я жаждал общения – с праведником ли, с грешником – все одно, лишь бы он говорил, а не блеял.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.